

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 588.986

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO X Buenos Aires, Jueves, 18 de setiembre de 1958

Буэнос Айрес, четверг 18 сентября 1958 года № 452

Вс. Дубровский

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Десять лет тому назад — 18 сентября 1948 года — вышел первый номер “Нашей Страны”, возобновленной после Второй Мировой войны Иваном Лукьяновичем его газеты, выходящей в Болгарии. Трудно было Ивану Лукьяновичу начать это издание в далекой Аргентине, без денег, без большей, без громадной части старых подписчиков “Голоса России”, разбросанных по всему миру, или отрезанных от мира Железным Занавесом после Второй Мировой войны. Для газеты были потеряны Балканы, Польша, Прибалтика, Дальний Восток... Но неуклонная воля Ивана Лукьяновича сделала почти невозможное возможным. Он сознавал, что русским людям, оставшимся русскими, его слово, и данная оценка отгремевших событий нужны, необходимы для того, чтобы отдать себе ясный отчет в том, что же произошло, что теперь, на что можно рассчитывать завтра. И ему было что сказать. Восемь долгих лет, прошедших между выпуском в Болгарии последнего номера газеты, к которой прислушались и друзья и враги, и появлением на свет “Нашей Страны”, были годами, посвященными обдумыванию многих вопросов, были годами большой творческой работы. Результатами этой работы он должен был поделиться с теми, кто ждал его слова.

И те, кто ждал — дождались. По всему свободному миру замелькали номера “Нашей Страны”, зазвучал мощный голос Ивана Лукьяновича. Очень скоро выяснилось, что большинство читателей, выбитых войной из привычной колеи кое-как налаженной эмигрантской жизни, или во время войны бежавших из Советского Союза, жадно тянутся к газете, но не имеют денег на приобретение очередного номера. Это сразу же определило удел газеты, ту бедность, которая красной нитью проходит через все годы ее существования. Но эту бедность ни Иван Лукьянович, ни мы его последователи, никогда и ни за что не променяли бы на нарядную внешность и на спокойное существование эмигрантских изданий, обеспеченных чьими-то субсидиями. Эта бедность дала “Нашей Стране” самое драгоценное, о чем может мечтать имеющий свою собственную линию печатный орган — дала полную независимость и возможность Ивану Лукьяновичу говорить то, что он думал, не оглядываясь на руку “дающего”. Ту же независимость сохранила “Наша Страна” и по сегодняшний день. Никому и ничем не обязанная и зависящая только от своих читателей, издающаяся на гроши подписной платы этих читателей, “Наша Страна” и сегодня, как и десять лет тому назад идет в мир с гордо поднятой головой и с незапят-

нанной совестью. Бедность... Да, бедность, едва-едва позволяющая сводить концы с концами, бедность вынуждающая к постоянным призывам о помощи, бедность, заставляющая влезать в долги, но эту бедность, как и Иван Лукьянович, я не променял бы ни на какой кем-то оплачиваемый бюджет, который позволил бы мне иметь “штат редакции”, помощников, машинисток и секретарш, и вести нормальную и спокойную человеческую жизнь. Но... “покой нам только снится”, не о покое, а о суровой борьбе за существование газеты, о выпуске очередной книги, о предстоящем очередном платеже в типографию или о покупке почтовых марок приходится мне думать...

Однако, “сегодняшний день” так кричит о себе, так властно требует внимания к себе, что уводит мою мысль от намеченной темы...

Итак, голос Ивана Лукьяновича снова зазвучал в свободном мире. Газета начала жить. Но одной газете оказалось мало. Слишком многое нужно было

Типично Русскую форму Монархии я называю самодержавием. Это — не абсолютизм, это — по выражению еп. Серафима Троицкого, — “симфония совместной работы Церкви, Царя и Народа”.

Монархия — это не тоталитарный режим. **Ив. Солоневич**

сказать. Слишком многое рвалось из головы Ивана Лукьяновича и требовало быть доведенным до той громадной аудитории, которая жаждала слышать, знать, впнать в себя его мысли и, зачастую, вдруг понять, что “ведь что же я сам так думаю, ведь это мои мысли, спавшие где-то и разбуженные его, Ивана Лукьяновича, словами!”... Ежедневный выпуск газеты, на который мы перешли с большим напряжением сил, почти не дал желательных результатов. И при наличии еженедельной газеты, мыслям Ивана Лукьяновича не доставало места для изложения их на бумаге. Было тесно...

Стало ясно, что такие громадные по глубине мысли и большие по объему его труды, как “Народная Монархия”, “Диктатура импентов”, “Диктатура слоя” и др. не могут уместиться и, что еще важнее, не могут сохраниться на газетных полосах. С невероятными трудностями, комбинируя печатание в газете с выпуском отдельными изданиями книг Ивана Лукьяновича, мы положили

Я — монархист, — стою на почве тысяч лет реальной и прозаической русской истории.

Политики-практики, прозаики — это мы, монархисты. Ибо мы и только мы опираемся на реальное прошлое, а не на шпаргалки о будущем. **Ив. Солоневич**

основание нашему издательству.

Высылка Ивана Лукьяновича из Аргентины значительно затруднила и без того не легкую работу и по изданию газеты, и по изданию книг. Но и с этими новыми трудностями мы как-то научились справляться.

Затем наступили черные дни. Болезнь Ивана Лукьяновича все более и более осложнялась и, наконец, наступил роковой конец 24 апреля 1953 года. Ивана Лукьяновича не стало.

Многие, очень многие в те дни думали, что уходом из жизни того, кто был мозгом и душой газеты ей нанесен роковой и непоправимый удар. И не только газете, но и всему тому делу, вдохновителем которого он был, той идее, которая должна была, казалось, заглохнуть не питаясь соками того мозга, который ее создал. К счастью, все эти опасения были напрасными. За почти пять лет существования “Наша Страна” успела и сумела сгруппировать возле себя тех людей, которые могли подхватить выпавшее из рук их духовного вождя знамя и сумели достойно нести его дальше, вселяя силу и бодрость в сердца тысяч последователей идеи Ивана Лукьяновича, и к удивлению и не-

Народно-Монархическое Движение построено на категорической борьбе против всяких остатков сословного строя в России. **Ив. Солоневич**

годованию всех его противников, похоронивших преждевременно и его идею вместе с его прахом. С этого момента, с момента кончины Ивана Лукьяновича многое, конечно, изменилось, но основное, важнейшее сохранено до сегодняшнего дня и будет — нами ли, нашими ли преемниками — донесено до России, ради которой и для которой жил, мыслил и работал Иван Лукьянович.

Вторая половина истекшего десятилетия имеет совсем иной, по сравнению

с первой, характер. Первые месяцы после смерти Ивана Лукьяновича были периодом больших испытаний для “Нашей Страны”. Газета без Ивана Лукьяновича была встречена скептически, что вполне понятно. Читатели привыкли искать и находить в ней то, что только он один мог дать: анализ и оценку событий с только ему одному присущей гениальностью, потому что Иван Лукьянович был, действительно, гениальным публицистом. Думать о том, что кто-то другой сумеет стать в журналистике вторым Иваном Солоневичем было, конечно, наивно и думавшие так очень скоро это поняли. Однако, если “Наша Страна” не имела второго Ивана Солоневича, она имела блестящий кадр сотрудников, которые сумели удержать газету на завоеванном ею высоком уровне и сохранить за нею завоеванную репутацию. Газета, конечно, изменила свое лицо — не могла не изменить его, с потерей того, кто ее одухотворял, по мнению многих, она перестала быть “боевой”. Отрицать это, пожалуй, нельзя, но “б о е в о й” в том смысле, в каком это определение было приложено к “Нашей Стране” мог ее делать только Иван Лукьянович и только он один. Некоторые попытки подражания ему пришлось мне, как редактору, пресечь, ибо они угрожали превращением газеты “боевой” в “скандальную”, а это — вещи совершенно различные. Наглядно подтвердилась поговорка “То, что можно Ивану — нельзя Ваньке...”

Сейчас я получаю иногда упреки и жалобы на то, что газета слишком серьезна, слишком “академична”... Часто — в отношении некоторых номеров — я и сам вижу это, но дело, ведь, в том, что темы, разбору которых посвящено большинство печатаемых в ней статей — серьезные, а лишь один — Божией Милостью журналист Иван Солоневич — умел разрабатывать самую серьезную тему так, что читателю невольно приходило на ум, — как я уже говорил — что это не Солоневич, а он сам так данную тему разработал и так ее понимает. Именно поэтому, упреки в серьезности газеты можно рассматривать, как похвалы ей. И без какого-либо самообольщения или бахвальства я могу сказать, что в “Нашей Стране” и сейчас сотрудничают лучшие в эмиграции журналисты. Некоторым доказательством для тех, кому это надо доказывать служит хотя бы тот факт, что все возникшие на наших глазах в течение последних лет монархические органы печати стремились прежде всего к тому, чтобы привлечь к сотрудничеству у них и наших сотрудников. Имена А.Ростова, Г. Месняева, Н. Потоцкого, Б. Вашилова, М. М. Спасовского мелькают на страницах этих органов и приносят им популярность, а “Нашей Стране” — честь и заслуженную славу. Вот этим-то людям и обязана “Наша Страна” с одной стороны, и наши читатели — с другой, тем, что кончина Ивана Лукьяновича не оборвала ее существования и контакт, установившийся между редак-

Монархия — это хлеб моей Родины. Люди, которые отрывают от этой Родины кусок ее хлеба, — для меня, — враги.

Лучший лозунг, который может быть брошен в массы на другой же день переворота, — это лозунг монархии. Он — нов для СССР — но он с в о й.

Это лозунг гражданского мира, величия страны, это, если хотите, даже и лозунг “качества продукции” — “пила царского времени”, “дом еще при царском режиме построен” и т.п.

Ив. Солоневич

ЗАЛ “CENTRO MONTAÑEZ”

JORGE NEWBERY 2818

В ВОСКРЕСЕНЬЕ

21 СЕНТЯБРЯ 1958 г.

День Русской Культуры

В ознаменование 50-летия со дня смерти великого русского композитора Н. А. Римского-Корсакова состоится, посвященный его творчеству,

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕРТ

В концерте принимают участие: хор Кафедрального собора под упр. Л. Л. Иванова, Т. Н. Роговая-Кульбицкая (пение), Алекс. Рзевская (рояль), С. Ф. Шведова (пение), Зигфрид Бартковский (скрипка), Г. А. Голберг (акомп.), П. Б. Силин (пение), В. Д. Фишкин (пение).

НАЧАЛО В 16,30 ЧАСОВ

Билеты заблаговременно можно получить в библиотеке г-на Тамарцева (“Колонизатора”), в киоске г-на Вербицкого (Нуньес 3541) и у членов правления Колонии. Цена билетов от 10 до 40 песо.

Мы монархисты, “предрешаем” нашу грядущую политику в России, — но мы никак не собираемся “предрешать” ее грядущего политического строя...

Решать вопрос о будущем государственном строе России может только всенародное голосование. Мы, монархисты, самым кровным образом заинтересованы в свободе этого голосования и в свободе слова перед ним.

И создание Монархии в России и ее воссоздание после периодов всяких “смут” шло всегда путем “всенародного голосования”. **Ив. Солоневич**

цией и читателями продолжает существовать *). "Наша Страна" попрежнему является "своей" газетой для многих и многих русских людей, является тем звеном, которое связывает их с нашей порабощенной Родиной и будит в них мысли о служении ей, намечая те пути, которые ведут, как говорил Иван Лукьянович, "домой, в Москву! Не в Москву Ленина-Сталина, а в Москву Алексея Михайловича, где был достигнут апогей нашей внутренней гармонии, не на юридических основах, а на религиозно-нравственных!"

К искреннему огорчению и редакции и читателей "Нашей Страны" имя одного из наиболее ценных ее сотрудников — имя Полк. С. (Кап. Д.) — в послед-

*) К сожалению, наряду с этим, не могу обойти молчанием другой, печальный, увы, факт... На страницах совсем иного направления газет тоже появились имена наших бывших сотрудников, отошедших от "Нашей Страны" по различным причинам. Так, факт появления имени проф. Б.Н.Ширяева в "Посеве" говорит сам по себе об этих причинах. Правда, Б.Н.Ширяев, посланный в свое время приветствие Гаагскому Конгрессу (что и послужило формальным поводом к выводу его из состава сотрудников "Нашей Страны") уверял меня, что он не перестал быть "народным монархистом" и таковым и останется впредь, что позволяет нам надеяться, что его крупный талант еще послужит делу Народной Монархии в возрожденной России. О другом печальном случае, о потере "Нашей Страны" ее сотрудника М.М.Бойкова мне не хотелось говорить на страницах газеты, несмотря на официальное заявление М.М.Бойкова о выходе из числа сотрудников "Нашей Страны". Не хотелось потому, что случай этот столь же печален, сколь и трудно объяснить.

Примерно, полгода тому назад М.М.Бойков подвергся хулиганскому нападению со стороны бывшего в нетрезвом состоянии члена одной из антикоммунистических воинских организаций, бывшего капитана Красной армии г. Леонтьева, причем нападение это сопровождалось упреками в том, что г. Бойков в своих статьях и книгах о Советском Союзе искажает истину, и обвинениями его в темных деяниях на Родине. К сожалению, случай этот так и остался до сих пор не расследованным судом чести Союза Александра Невского, который мог бы пролить больше света на эту выходку одного из его членов, но для "Нашей Страны" она имела неожиданные последствия.

Просьбу г. Бойкова поместить в газете подробное описание всего происшедшего я отклонил, так как не находил в этом случае того элемента, на котором категорически настаивал г. Бойков, — элемента, заранее обдуманного и подготовленного теми, кому антикоммунистическая деятельность г. Бойкова мешала, политического покушения, а в нападение — орудие убийства. Я предложил г. Бойкову обдумать свою точку зрения, указав ему на тот вред, который может принести, взбудоражив умы русской колонии Буэнос Айреса, такое необоснованное обвинение "героя пьяного скандала" в предумышленном политическом убийстве. Опуская целый ряд подробностей, остановлюсь на том, что непринятая мною рукопись была, с ведома и согласия г. Бойкова, опубликована в местной солидаристической газете "Новое Слово", редактор которой Д. Константинов, тоже с ведома и согласия г. Бойкова, стал в позу то ли защитника г. Бойкова, то ли прокурора, обвиняющего "Нашу Страну" в семи смертных грехах.

Сознавая, вероятно, неэтичность своего поведения, г. Бойков прислал мне письменное заявление о своем выходе из состава сотрудников "Нашей Страны", не найдя нужным посетить меня лично, чем и лишил меня возможности понять до конца ход его мыслей. Некоторое указание на это можно найти в № 314 той же газеты "Новое Слово", сообщающей в отчете об устроенном местным представительством газеты "Посев" чаепитии и собрании, посвященном Дню Св. Равноапостольного Великого Князя Владимира о том, что после соответствующих докладов "писатель М.М.Бойков прочел один из своих неопубликованных рассказов"... Каждый ищет путей служения Родине, наиболее, по его мнению, честных и чистых... Ищет и находит...

В результате этого весьма странного поведения г. Бойкова, "Наша Страна" потеряла сотрудника. Имя М.М.Бойкова сошло с ее страниц навсегда.

нее время совсем исчезло со страниц газеты. Тяжкая болезнь, с которой с редким упорством борется его сильный организм, лишила его возможности не только писать, но и читать. Я не могу отказать от глубокой уверенности в том, что всеми уважаемый Дмитрий Тимофеевич справится и с нынешним, наиболее тяжелым из всех предыдущих, приступом болезни и убежден, что недалеко то время, когда мы снова, с прежним интересом, будем читать его талантливые "Политические обзоры", построенные на только ему одному доступной информации.

Что касается материальной стороны дела, то, как я уже сказал в начале этой статьи, бедность проходит красной нитью через все существование и газеты и издательства "Наша Страна". Газета, как была начата на взятые займы деньги и на подписную плату, поступающую от подписчиков, так и сегодня она живет от почты до почты, от денежного перевода до денежного перевода, и разница лишь в том, что вместо денег взятых займы в ее бюджете сегодня фигурирует кредит, предоставленный типографией, что, в сущности, одно и то же. "Контора" газеты не может не отметить той аккуратности, с которой большинство подписчиков вносят свою лепту на дело ее издания, и с гордостью за тех русских людей которые являются подписчиками "Нашей Страны" может зая-

Наши монархические круги, которые вообще, по складу своего характера гораздо более склонны к словам, чем к работе, к знаменам, чем к танкам, хотя видеть в монархии по преимуществу знамя. Я вижу в ней по преимуществу орудие, — самое мощное, каким мы только располагаем в борьбе за возрождение России — орудие успокоения и упорядочения страны.

Если мы собираемся оперировать идеей Монархии не как знаменем, а как орудием, — перед нами встает другая и очень важная задача. Нужно очистить эту идею от всякого рода реакционного, плотоядного вождения тех людей, которые совсем всерьез думают, что благодарное послесоветское население с поклонами принесет им ключи от их "латифундий, от титулов, чинов, привилегий и прочего в этом роде. Ничего этого не будет. Будет труд, труд упорный до жестокости, будет великая оценка всякой способности всякого умения и всякого таланта. Будет труд огромный, созидательный и радостный, но на старых привилегиях нужно поставить крест.

Ив. Солоневич

вить, что неплательщиков среди них нет и с тем большей горечью приходится констатировать явное злоупотребление доверием и редакции и подписчиков, допущенное некоторыми нашими представителями. Я очень не хотел писать об этом здесь, но не вижу иного способа заставить их отчитаться перед конторой газеты, кроме этого последнего им напоминания, после которого мне придется опубликовать их имена, что покрыло бы их позором... Однако, что же остается делать? Суммы денег, заблудившихся по пути в редакцию в их руках, к сожалению, достаточно велики для того чтобы можно было их им подарить. Я с удовольствием промолчал бы об этом, но не вижу иного способа попытаться еще раз повлиять на них.

Заканчивая этот краткий очерк, посвященный десяти годам жизни "Нашей Страны", я считаю своим приятным долгом, в качестве редактора газеты, принести самую сердечную и глубокую благодарность моим дорогим сотрудникам без которых "Наша Страна" могла потерять свое лицо или, даже, вовсе прекратить свое существование. Их горячая любовь к Родине, их талант, их самоотверженная работа делают "Нашу Страну" тем, чем она является в глазах здравомыслящей части нашей эмиграции — судя по тем отзывам о ней, которые я имею.

Вс. Дуборовский

Большевистская пропаганда сделала часть своего дела, нужного и для нас. Истоки демократического режима она разоблачила полностью. Советская практика полностью разоблачила и теорию советской демократии. Что остается? Остается то, чем мы жили тысячу лет.

Ив. Солоневич

Н. Потоцкий

Обзор печати

Когда мы, монархисты, вопреки утверждениям февралистов, заявляем, что Февральская революция 1917 г. была абсолютно не нужна нашему народу не только потому, что она украли у него несомненную победу над внешним врагом, но и потому, что до нее наша Родина шла гигантскими шагами по пути своего духовного и хозяйственного расцвета, мы должны, в нашей аргументации, опираться, в особенности, на те свидетельства этого расцвета, которые исходят от наиболее беспристрастных и добросовестных представителей левого сектора нашей политической эмиграции.

Вот почему чрезвычайно полезно прочесть то, что пишет М. Новиков в газете "Новое Русское Слово", т.е. в органе, который никак нельзя заподозрить в особенных симпатиях к "старому режиму", но политическую терпимость редактора которого (стоящего в этом отношении неизмеримо выше, чем редактор "Русской Мысли") можно только приветствовать. Вот, что говорит г. Новиков "о быстром развитии общественной и культурной жизни в предреволюционную эпоху в России" ("Н.Р.С." от 18 июня с.г.):

"Эта эпоха, начавшаяся на рубеже двух последних столетий была поистине знаменательной. Промышленность резко поднималась в гору и начинала успешно конкурировать с зарубежной. Так, русский ситец, кушач и другие бумажные ткани были уже давно выше немецких. Но затем на рынок начали поступать "четвериковские" шерстяные товары, которые, по мнению портных, не уступали своими качествами знаменитым английским сукнам. Русские меха и изделия из кожи служили недостижимыми образцами для чужеземцев и в большом количестве вывозились за границу. Хлебные и кондитерские продукты, как по своему разнообразию, так и по вкусовым качествам вызывали удивление иностранцев, вина конкурировали с зарубежными особенно в смысле их натуральности.

От частной промышленности не отставала и кооперация, сказочный рост которой в последнее десятилетие перед 1917 годом показал, по словам проф. А.Д.Билимовича, "на какую высоту мирной созидательной работы может подняться народный дух и какие творческие силы таятся в народах России".

Местное самоуправление развивалось, особенно в больших городах, интенсивную работу по благоустройству. В Москве, например, была устроена образцовая канализационная сеть, в трамваях был введен такой порядок, что пассажиры могли стоять лишь на площадках, а проход внутрь вагона оставался всегда свободным. К концу предреволюционного периода мне как гласному Московской Городской Думы, приходилось принимать участие в рассмотрении проектов метро и канала Волга-Москва осуществление которых задержалось военными событиями, а потом, гораздо позже, чем это проектировалось нами, было осуществлено большевистской властью, приписавшей себе всю инициативу этого дела.

При таком общественном настроении, особенно большое внимание уделялось культурно-просветительным мероприятиям. Была разработана сеть низших школ, долженствовавшая осуществить всеобщее обучение в стране в 1925 г., т.е. значительно раньше, чем это было проведено большевиками. В опытных и самоотверженных руках городского и земского самоуправления это дело блестяще развивалось. Министерство же народного просвещения отозвалось на него ассигнованием громадного строительного фонда, в результате чего дореволюционная Россия начинала

покрываться планомерной сетью рационально оборудованных зданий.

А среднее образование, находившееся преимущественно в ведении министерства просвещения, получало, наоборот, поддержку со стороны частных предпринимателей. Многие из частных гимназий, мужских и женских, славились исключительно высокой постановкой преподавания. И наконец, высшая школа, как университетская, так и профессиональная, находилась в состоянии интенсивного роста и развития". (Курсив везде мой. Н. П.).

Благодаря таким объективным свидетельствам, у наших трубадур русской революции не остается почвы даже для их обычной уловки: утверждать, что весь этот культурный и материальный прогресс был делом рук только самого народа и "общественности", а царская власть, дескать, только тормозила его. Если министерство народного просвещения "ассигновывало громадные строительные фонды" и притом далеко не ограничивалось только этим, а энергичнейшим образом умножало число учебных заведений всевозможных видов, если Крестьянский Банк, учрежденный Императорским правительством, содействовал росту экономического благосостояния крестьян, так же, как столыпинская реформа и переселение в Сибирь, если это же правительство строило железные дороги, суда военные и торговые и т.д. и т.д., то можно ли оспаривать тот факт, что это правительство принимало живейшее участие в развитии духовных и материальных сил страны?

**

А вот, в так называемых "демократических" странах в этой области далеко не все обстоит так благополучно. Наша маститая апологетка демократии, г-жа Кускова, вынуждена признать, что даже в такой ультрадемократической стране, как Швейцария, воспитание детей стоит на столь низком уровне, что, как пишет Е. Кускова в "Н.Р.С." от 27 июня с.г., "в швейцарской печати нередко можно прочесть: "Уделите внимание вашим детям! Они — беспризорны!"

А в номере той же газеты от 22 апреля Аргус приводит цитаты из письма к нему русской эмигрантки из Швеции, т.е. из страны, где правят социалисты, столь пекущиеся о "нетленных ценностях":

"Между прочим, карьера учителя сейчас становится опасной и у вас в Америке, и у нас в Швеции, и во многих других странах. Любой учитель в любой момент может быть избит или даже убит каким-нибудь негодным мальчонкой или какой-нибудь негодной девчонкой. Безнравственность, распущенность, и, кроме того, сознание полной безнаказанности. Совершит подросток гнусное преступление в уверенности, что его будут допрашивать не полиские а какие-то психиатры и психологи. Здесь, в Швеции, многие школьники начинают краситься и употреблять губную помаду с тринадцатилетнего возраста. Так накрашенные, они идут в школу, а учителя и учительницы ничего не смеют им сказать. В Швеции никто теперь не хочет быть учителем. Дети избалованы и нахальны. Учатся дети у нас очень слабо. Уроков не готовят, жрут и смотрят телевидение. Нынешний подросток все уже видел, все знает, все испытал, — и все ему надоело. Он рано начинает скучать и рано начинает охотиться за сильными впечатлениями. Социологи утверждают, что если люди заживут хорошо, зажиточно, у них появятся высшие интересы. Швеция страна зажиточная. Но высших запросов у молодого поколения что-то не видно"

Та же Е. Кускова говорит, что один из крупнейших деятелей французской педагогики Анри Жубрель в своей книге о неприспособленности к жизни и

о преступности молодежи обращается к родителям с грозным предупреждением, указывая им на то, что в современных культурных странах (особенно в Соед. Штатах), имеется 80% преступных и неприспособленных к жизни детей и юношей! Страшная цифра! Такова забота республиканских и демократических деятелей разумного, доброго и вечного о своей собственной молодежи!

Рецензируя книгу американского профессора Д. Фишера "Русский либерализм", "Наше Общее Дело" без всяких примечаний приводит следующий отзыв этого нового "знатока России" о вождях русского либерализма: "достаточно взглянуть на эти серьезные, интеллигентные, человеческие лица вождей русского либерализма — людей типа Милюкова, Прокоповича, Струве, Родичева, Петрункевича, братьев Долгоруких и т.д., чтобы почувствовать сожаление, что не они стали во главе руководства при свержении самодержавия".

Многоуважаемая редакция в своем живейшем желании угодить своим "демократическим" работодателям, не удержалась от явной передержки: не только сам Милюков, но и весьма немалое количество милостивых государей "типа Милюкова", как князь Львов и Ко, не только "стояли во главе руководства при свержении самодержавия", но и стали у власти над нашим народом после его свержения, включая архилиберального и архисерьезного Александра Федоровича Керенского. Ну и что же? В чем проявилась их серьезность, их либеральность, их интеллигентность? Не показали ли они, как их так верно охарактеризовал И. А. Ильин, себя "безвольными радикальными теоретиками, мечтательными баррами, самоуверенными дилетантами" и притом совершенно бездарными в области государственного строительства и трусливо пошедшими на поводу у Совета рабочих и солдатских депутатов? Что же касается Струве, то уважаемый редактор "Н.О.Д." сделал бы очень хорошо, если бы вместо своего фальшивого сожаления разделил бы сожаление другого рода, — сожаление, которое высказывал сам Струве, уже понявший свои "заблуждения молодости", — сожаление о том, что царское правительство всех этих архилиберальных вождей — и его в том числе — своевременно не повесило, чем была бы предотвращена революция 1917 года. Мы тоже об этом искренне сожалеем.

Советская власть и Коммунистический Интернационал отлично отдают себе отчет в том, что они не сделают коммунистами всех подвластных им людей, пока среди последних живет ВЕРА в Бога и в Христа Воскресшего. А потому нам должны быть особенно дороги свидетельства, идущие из-за Железного Занавеса, о том, что эта Вера там жива,

Вся эмиграция есть общее собрание политических банкротов. Во всей эмиграции есть только одно имя, которое свободно от всякого банкротства, — это имя Главы Династии.

Это имя — и только оно одно — имеет значение для России. Имеет силу взрыва, далеко превосходящую все атомные бомбы...

Ибо массы поверят только Дому Романовых — и больше не поверят никому. Я этого не "думаю", я в этом не "убежден" — я это знаю.

Я повторяю еще раз: имя Главы Династии мы должны беречь, как зеницу ока.

Моя точка зрения сводится к тому, что имя "Отрока из Дома Романовых" — есть орудие самой страшной силы — психологическая бомба, которая может поднять против Советов все низы.

Ив. Солоневич

И. Владимиров

10 ЛЕТ

ПАМЯТИ ДОРОГОГО ОСНОВАТЕЛЯ ГАЗЕТЫ "НАША СТРАНА"

Прошло 10 лет с тех пор, как в отдаленной Аргентине Иван Лукьянович Солоневич приступил к изданию газеты "Наша Страна", явившейся продолжением его приостановленной войной патристической работы, начатой им в Болгарии, где впервые после того, как он вырвался из большевистских клещей, прозвучало его живое слово в последовательно издававшихся им органах "Голос России", "Наша Газета" и "Родина". Нужно было много уверенности в правоте возобновленного им честного русского начинания, нужно было много любви к делу, настойчивости и скромности в материальных требованиях, чтобы возобновить это журнальное предприятие в условиях полного отрыва от Европы, где у покойного была уже созданная популярность, был крепко сколоченный круг читателей и только крупный его талант обеспечил родившейся в Аргентине газете постепенный рост и привлек к работе Ивана Лукьяновича внимание старых и новых читателей обоих полушарий.

Родным теплом, верой в неизжитые силы русского народа и ясность его непревзойденной острой наблюдательности повеяло с той стороны океана, где сейчас под простым белым крестом и такой же чистой белой плитой лежит этот несравненный русский талант, сам такой чистый разумом, простой привычками и прямой своей натурой. И если в потемки нашего беженского быта проскальзывают все же иногда лучи света, то по всей справедливости можно сказать, что одним из них — самым ярким — является горячее, убежденное слово Ивана Лукьяновича, которым он так владел и так умел покорять, внушая даже своим политическим недругам если не восторг, то во всяком случае чувства немого почтения к своим способностям, эрудиции и, главное, к открытости и неподкупности.

что врата адавы не одолели Ее и, что при этом Она отнюдь не является "средневековым пережитком" в душах каких-нибудь еще отсталых и "темных" людей или выживших из ума стариков.

Вот почему нельзя не отметить двух чрезвычайно интересных фактов, приведенных в передовой статье "Русского Воскресения" от 12 июля:

"От венгерского композитора Золтана Кодая потребовали выступить на организованном партией рабочем собрании. Он, как будто, покорился. Поднялся на трибуну. И стал читать... Послание к Коринфянам апостола Павла. Кончил и, не добавив ни слова, спустился с трибуны. Вот и все. Вполне возможно, что Кодай не расстареян. Может быть, он даже еще на свободе. Может быть, красный режим только со временем до него доберется, — если режиму для этого будет дано достаточно времени. Все это уже — только детали, очевидно второстепенные в глазах самого профессора Кодая. Ибо слова, которые он прочел с красной трибуны, звучат как трубы архангелов, провозглашая неодолимое Царство Бога и Христа: "Ибо Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои".

Другой факт для нас еще более интересен и значителен, ибо дело идет об одной из главных цитаделей коммунизма в СССР, о комсомоле:

"Московская печать вновь подняла оркестрированный вой о живучести "религиозных пережитков" в России. Среди ряда статей, направленных одновременно против пьянства и против религии, промелькнуло сообщение "Красной Звезды" о том, как советский солдат Чириков, возобновляя свой комсомольский билет, выронил из кармана молитвенник".

Чириков, конечно, не один, вероятно, есть даже и партийцы, которые носят молитвенники в кармане. А потому жив Бог Земли Русской! А от молитвенника до лозунга "За Веру, Царя и Отечество" — рукой подать!

Н. Поточкин

10 лет прошло со дня создания "Нашей Страны". Большая работа выполнена газетой за этот срок, много полезного и интересного материала дано в ней читателю, но пальма первенства всей литературной работы принадлежит, конечно, самому основателю. И через это десятилетие, полное для каждого из нас тревог и сомнений, дошли до нас чудные, волнующие мысли покойного, его отдельные чарующие выражения, среди которых не одному из нас, вероятно, врезались в память слова столь близкие нам, сказанные И. Л. на заре возникновения "Нашей Страны" (в № 40): "Постараемся вернуться к принципам Веры, Царя и Отечества и пойдем дальше — к себе домой, — к ценностям проверенным тысячу лет, а не выдуманным в 10.000 книг".

Нужно было остро переживать страстную думу о былом величии России, нужно было чутко созвучать в чем ее спасение, чтобы так просто и в то же время столь поэтически мощно выразить общий наш национальный порыв. Как не сказать после этого, что на литературном небосклоне эмиграции подлинно ярким лучом сверкал талант Ивана Лукьяновича, единственный в своем роде, талант озаривший наши серые будни, обогативший наше познание России исключительно правдивым словом о ней, о ее страданиях, передавший нам всю боль И. Л. за родную страну, всю его горячую к ней любовь. Независимый во взглядах, пылкий по натуре и беспредельно преданный идее Монархии И. Л. выдвинулся сразу по прибытии в эмиграцию и завоевал почтительно восхищенные чувства в сердцах многочисленных своих последователей и читателей.

Своим пылким темпераментом и смелостью обличительного слова И. Л. весьма напоминает стихотворца древнего Рима Лукана, о котором наш поэт Майков сказал, что "гнев он возбуждал ханжей, фигляров, изуверов, с которых маски он сбивал" И. Л. тоже сбивал маски и с изуверов революции и с тех фигляров и ханжей, которые и до сих пор распыляются перед ней, ибо никто до него в журнальном мире эмиграции не раскрыл с такой потрясающей правдивостью весь обман Февральской революции.

На все попытки прислужников и участников нашей национальной закружки присудить ей наименование "великой", "бескровной", "закономерно неизбежной" на все прочие приемы идеализации этого всероссийского подлога — Иван Лукьянович ответил тремя четкими и верными словами: "Великая фальшивка Февраля", под каковым названием и написан им ряд статей, обличающих всю гнусную подоплеку нашего национального бедствия.

Величайшая заслуга И. Л. в том, что он не только вскрыл истинное положение перед революцией и ее подлинные причины — от разлагательской работы Государственной Думы до сановного заговора включительно, — но и доказал со всей присущей ему логичностью, что Россия, пусть и придуренная, и поруганная, не высказывает признаков одряхления, еще менее — смерти; что русское национальное самосознание, дух веры в большинстве населения живы и внушают нам полную уверенность в возможности низвержения режима, закабалившего Родину, конечно, не без деятельного участия в этом низвержении нас, эмигрантов. А отсюда его бодрящий вывод: мы не имеем никакого основания впадать в меланхолию, но, создавая причины наших прошлых несчастий и твердо решив в будущем воспрепятствовать их повторению, мы должны с определенной ясностью постичь, что народный инстинкт — стремление русского человека хранить веру и величие Родины — может быть обеспеченным лишь при монархическом строе, чего никак не хотели усвоить либеральные челоросли развалившие Россию.. Иван Лукьянович неустанно работает над излечением избранной им целью — реабилитировать от злостной клеветы наше прошлое и возвести для будущего фундамент Народной Монархии, т.е. государственного строя, базирующегося на извечных и честных принципах тесного сотрудничества Царя и народа, как это имело место еще в Московской Руси, но одновременно и строя обновленного согласно духу времени путем отказа от старинных отживших привилегий чванства, деления на сословные касты, унижающего деления народа на черную и белую кость. Сопутствуемый в своей работе новыми присоединяющимися к составу сотрудников лицами Иван

Глубокоуважаемый

Всеволод Константинович!

Комитет Российской Колонии в Аргентине приветствует в Вашем лице десятилетнюю мужественную борьбу "Нашей Страны" с коммунистами и их явными и тайными приспешниками, начатую покойным Иваном Лукьяновичем Солоневичем и продолжаемую Вами и Вашими ценными сотрудниками, и горячо желает дальнейших успехов в святом деле освобождения нашей Родины от всех врагов Великой Державы Российской.

Председатель
Комитета Российской Колонии
в Аргентине
Проф. Др. Ф. Вербицкий
Вице-Председатели:
Александр Навроцкий
Др. Николай Тер-Симоньянц
Секретари Комитета:
Н. Седляревич и К. Комаровский

Глубокоуважаемый Всеволод Константинович!

По случаю 10-летней годовщины "Нашей Страны", редакция "Русского Слова" приносит Вам и Вашим сотрудникам искренние поздравления и желает торжества на русской земле тех идей, которыми с такой убежденностью служит "Наша Страна".

Уважающий Вас М. Седляревич
Буэнос Айрес, 15.IX.1958 г.

Лукьянович дает газете ярко очерченную идеологию и увлекательный патристический тон.

Благородное русское начинание встречено в левом лагере по большей части "заговором молчания". Желая упрятать от эмиграции имя, вызвавшее к себе незаурядный интерес, представители левой прессы говоря об И. Л. ограничиваются кратким намеком: "один крайне правый журналист". Думается, что для сокрытия все возраставшей популярности автора "России в концлагере" можно было бы придумать что-нибудь более остроумное, чем такую неумело подобранную характеристику — ведь каждому здравомыслящему человеку ясно было, что ретроградом И. Л. никак не был, но, наоборот, энергично боролся против всякого рода затхлости и реакции. И упрятать гиганта русского журнализма кудесником левой бестактности так и не удалось — слава была уже завоевана и круг читателей, созданный еще со времен издательского дела в Болгарии, все расширялся.

Самый час прибытия И. Л. в эмиграцию пришелся как нельзя кстати. Это был период крайнего замешательства в эмиграции, когда только что отшумел скандал так наз. "монархического треста" под водительством провокаторов Якушева и Оперпуга, когда русские националисты завлекались в сети организации, возглавлявшейся пресловутым Казем-Беком, переметнувшимся к большевикам, когда, наконец, была расставлена мышеловка партии с таинственными "молекулами" и 30-ю тысячами курьеров, будто бы разъезжающих по территории России с антисоветской пропагандой. Вся национальная эмиграция оказалась бы затянутой в эти ловушки, если бы не раздался в этой удушливой атмосфере во-время предупреждающий голос Ивана Лукьяновича, обличавший истинную и колючую подстилку таких опасных группировок. В нас, растерявшихся, он пробудил веру в самих себя, веру в извечную Монархическую Россию, парадоксально поскольку знующую в февральскую сылку, но и могущую еще выбраться из большевистской слизи. На это мы можем рассчитывать, потому что у нас есть с чем выступить. "Только мы, монархисты, — говорил И. Л., — можем выступить с ничем незамытным знаменем нашей тысячелетней истории. А Керенскому выступать не с чем".

Оставив нам свое искреннее убеждение в силе монархической идеи, Иван Лукьянович вселил в нас и уверенность, что мы все еще годны для будущего нашей Родины, что наши силы еще не иссякли, нужно только найти умелое

Делайте для Монархии все, что вы только можете сделать: это — единственная гарантия против абрамовичей и социалистического рая № 2.

Ив. Солоневич

применение этим силам. И это умелое применение сил заключается, по его словам, в обретении общности интересов с подсоветскими массами. "Общность интересов, — говорил он, — крайне проста и легко находима. Она: в национальном единстве России, в социальной справедливости — мужику землю, рабочему профессию, никаким сословий или каст". Реалист — И. Л. обратил внимание на самые животрепещущие вопросы нашей жизни, мыслитель — он дал нам совет отрешиться от философских исканий о том, свободна ли воля или нет, или где кончается право и где начинается равенство, а просто и набожно признал мудрое изречение Евангелия: "мир во зле лежит", а отсюда сделал практический вывод — не вдаваясь в иллюзии неосуществимого безграничного блаженства на земле облегчить насколько возможно нашу жизнь путем осуществимых, здравомысленных и гуманных реформ нашего быта. И это ему чрезвычайно удалось. Своим изумительным, образным но и столь доступным стилем он завоевал интерес широкого круга читателей, ищущих именно правдивости, отчетливости мышления, а не замысловатости всяких функциональных и им подобных теорий, за туманностью языка, скрывающих тлен и рабство.

Успех, встретивший нашего горячего апологета Монархии с первых же дней его пребывания в эмиграции серьезно обеспокоил врагов России, ответивших на его деятельность взрывом 3-го Февраля 1938 г., когда в редакцию "Голоса России", газеты, как уже было сказано, издававшейся в Болгарии, была принесена адская машина. Взрыв отнял у него нежно любимую им жену Тамару Владимировну и молодого сотрудника Колю Михайлова, но не лишил его энэргии и хотя и с болью в сердце, но с жаром, покойный продолжал начатое им святое дело освобождения Отчизны. Бесхитростными, задушевыми, каждому понятными словами И. Л. поведал нам правду о прошлом нашей Монархии, не скрывая некоторых недостатков, неизбежных при всяком режиме, но и не преуменьшая того величия, которое Царский строй бесспорно принес России. Он раскрыл нам подлинную причину Февральской революции, передал пережитые им самим ужасы концентрационных лагерей, принес нам веру в торжество восстановленной монархии, стало быть в торжество правды. "Эту правду, — говорит он, — хотели убить бомбой 3-го Февраля. Убийство не удалось. Убить правду это — вообще вещь невозможная. Все равно, уйдут одни, найдутся другие люди, которые, может быть, другими словами, но будут будить уставших и уснувших, будут выковыривать ненависть ко лжи, ненависть основанную на правде. Это неизбежно. Бомбы тут ничем помочь не могут".

И почетный долг выполнять роль этих других людей, о которых говорит И. Л., взяли на себя мы, его последователи. Зная русскую Народную Монархию не выпало из рук угасавшего на смертном одре патриота, оно подхвачено другими надежными руками, его бережно несем все мы, его почитатели и преданные Его Высочеству Великому Князю люди. Наш путь не легок. Нет нужды скрывать, что хотя и ярк свет таланта Ивана Лукьяновича, озаряет он пока лишь небольшой круг людей. Но мы предпочитаем вращаться в этом маленьком, но ярко освещенном кругу, чем бродить в потемках и бранить эти потемки, как это, увы! делает очень значительная часть эмиграции.

Пусть люди, пребывающие в потемках, ищут безотрадного забвения в советских балетных спектаклях — какая уж там отрада, какое развлечение, когда это преподносится властью, измышляющейся над нашей Родиной... Советским кавказцам-танцорам и песенникам, балеринам Московского Большого Театра с компанией соглядатаев их окружающих, мы предпочитаем служение нашей великой идее — освобождению России, а эмигрантским верхоглядам, забывающим свою честь мы можем выразить лишь нашу бесконечную жалость за отсутствие твердости и последовательности во взглядах.

Не слабые и слабосильные, не падкие до удовольствий и рабы своих похотей делают историю — она творится людьми крепкой воли и знающими, чего они хотят, а если эти люди обладают к тому же и честным сердцем, то благотворные результаты их деятельности несомненны. К честному выполнению русского долга призвал нас

И. Л., сам оставшийся на своем посту до конца честным и бескорыстным. Он знал душу русского человека, умел ее к себе привлекать не только талантом писателя, но и своей правдивостью. Без обещаний, без трескучих демагогических выкриков и мистификаций о уже происходящем будто бы в России национальном повороте, о 30-ти тысячах курьеров, распространяющих свет солидаристского "учения", без всей этой газетной суматохи и белиберды, он просто обратился к своим штабс-капитанам, ко всем русским людям с единственно нужным и ценным напоминанием — любить Родину и верить в Монархию, выразив это словами: "Вера в Монархию для меня такая же само собою разумеющаяся вещь, как вера в Господа Бога — ни без той, ни без другой Россия восстановлена быть не может". Эта вера дорогого усопшего должна стать и нашей. В ней — путеводный к Монархии луч, в ней смысл жизни, в ней — рассвет среди нависших над Родиной туч. А самому Ивану Лукьяновичу за всю ту любовь к России, которую он сумел нам передать мы должны низко склоняясь спасибо сказать.

За десять лет своего существования "Наша Страна" принесла эмигрантско-читателю безусловный нравственный подъем, много правдивой и разнообразной информации и затронула подчас некоторые идеологические вопросы большого интереса. Все это обеспечило газете ту высоко квалифицированную репутацию серьезного монархического органа, которую до сих пор так умело поддерживают многочисленные ее сотрудники! И, в заключение, так хочется сказать им, рассыпанным по всему миру борцам за нашу святую идею: Вам, талантливым и многочисленным сотрудникам "Нашей Страны" преподношу я в этих строках скромный букет цветов моего восхищения. Ваши достойные имена не упоминаются здесь, ибо вы не нуждаетесь в рекламе, она уже создана вами самими, вашим национальным чутьем, вашим честным выступлением на страницах любимой газеты и вашими собственными дарованиями. Все вы — витязи долга. Ваше умело используемое вами общее оружие — перо — будь оно в руках плутов и карьеристов, принесло бы таковым внушительные гонорары и шумливые одобрения прессы бесчувственной и враждебной красоте нашего прошлого. Но вас не привлекает гонорар и дар пряных похвал вам не нужен. Вы предпочитаете идти своей узкой тропой среди дремучих зарослей недоверия, враждебности и пошлых усмешек. Этот, сегодня тесный и тернистый путь, выведет вас в один светлый день из дебрей недружелюбия на открытую поляну, где нашим общим взорам представится она, Русь, из мрака восставшая, ныне осмеянная и оскорбленная, но вашими усилиями могущая стать освобожденной. Затихшая в скорби, страданием изможденная, воспрянет Русь Православным Крестом осененная и вашими талантами на долгие годы вновь озаренная. Вам, многочисленные и честные сотрудники "Нашей Страны", мой горячий привет и цветов моего восхищения скромный букет!

Париж

И. Владимиров

Исторический опыт доказал, что Россия — это не Империя в римском или британском смысле этого слова. Это — 196 сямских близнецов, которые срослись в политическом, экономическом, бытовом, культурном и всяком ином смысле этого слова.

Ив. Солоневич

РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ

"Россия в концлагере" — одно из лучших произведений покойного И. Л. Солоневича и, по общему мнению, самая лучшая книга об СССР. Она была им написана тотчас после бегства из Советского Союза и это способствовало той яркости изображения представителей власти и населения, поработанного этой властью и на воле и в концлагере — одинаково. Яркости и выпуклости никем, после И. Л. Солоневича, недостижимых. Изданная в 1936 году, она в течение четырех лет выдержала три издания, полностью распроданных, и после Второй Мировой войны было почти невозможно найти хотя бы один экземпляр этой книги.

Издательство "Наша Страна", не располагая никакими средствами, долго не решалось "поднять" переиздание этой замечательной книги, но, наконец, уступая многочисленным просьбам читателей "Нашей Страны", приступило к печатанию ее в газете, с тем, чтобы таким путем дать возможность читателям газеты, не читавшим этого труда И. Л. Солоневича с ним ознакомиться, и, с другой стороны — облегчить издание его отдельной книгой.

Однако, материальное положение "Нашей Страны" и сегодня не позволяет нам думать об издании всей книги целиком. Единственным выходом из положения является издание книги отдельными выпусками — по 100-150 страниц каждый, в надежде, что продажа какого-то количества экземпляров первого выпуска облегчит издание второго, и т.д. В результате покупатель или подписчик на книгу получат полностью все произведение И. Л. Солоневича, изданное отдельными выпусками, но таким образом, что этот способ издания не помещает брошюровке всей книги в один том, который войдет в комплект **ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ И. Л. СОЛОНЕВИЧА**, причем к последнему выпуску будет приложена обложка для этого тома.

Вся книга — приблизительно 650 стр. — будет издана ШЕСТЬЮ выпусками, ценою по 1 доллару каждый, в течение ближайших шести-семи месяцев. Этот срок будет зависеть от количества лиц подписавшихся на все издание теперь же (стоимость всей книги по предварительной подписке — 5 дол.). Для ускорения издания, регулярное печатание книги в газете "Наша Страна" будет приостановлено и в ней текст книги будет печататься лишь частями.

Большинству наших читателей известно, что одновременно с принятием нами решения о переиздании "России в концлагере", таковое же решение было принято и г. Ваулиным, широко рек-

Народно-Монархическое Движение стоит за частную инициативу и за реальную свободу.

Оно считает, что все это России может гарантировать только Монархия и только Она одна.

Ив. Солоневич

В воскресенье, 12 октября с.г., в 17 час., в **РУССКОЙ ШКОЛЕ** при ОЮР (Хосе Эрнандес, 2655, Оливос) состоится

ДЕТСКИЙ СПЕКТАКЛЬ Будут поставлены народные песни и инсценирована русская сказка Колобок, сценка из Слепого музыканта.

Вход — 10 песо, для детей — 5 песо. Чистый сбор пойдет на нужды школы.

ЗИМНЯЯ ПОМОЩЬ ИНВАЛИДАМ Р.О.А.
СОЮЗ ВОИНОВ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ
устраивает 27 сентября с.г. в помещении Д.Р.Б. (Карлос Кальво 2851)
ВЕЧЕР В ПОЛЬЗУ ИНВАЛИДОВ Р.О.А.
Хороший оркестр — Благотворительный буфет — Лотерея — Танцы
Билеты у членов СВОД-а и в Русском Доме

"DINER DANSANT"
В ПОЛЬЗУ СОЮЗА РУССКИХ БЕЛЫХ ВОЕННЫХ ИНВАЛИДОВ
В АРГЕНТИНЕ
состоится в пятницу, 19 сентября с.г. в 21 ч. 30 м. в салонах
"CLUB DE RESIDENTES EXTRANJEROS" (calle Bme. Mitre 430)
Изысканные номера. Знаменитый оркестр Barry Moral
Обед, включая вино — \$300. Билеты — по телефону 31-6826
После 12 час. ночи входная плата только на бал — без ужина — \$5.
Вечерние туалеты и смокинги — обязательны. Правление

ламирующим предстоящий выпуск им в свет этой книги, причем по цене значительно более низкой, чем может это сделать "Наша Страна". Из возникшей между г. Ваулиным и нами переписки выяснилось, что ни он, ни мы не имеем возможности приостановить начатые нами издания, потребовавшие к тому времени вложения известных денежных сумм. В результате, мы пришли к соглашению не мешать друг другу и дать жизнь сразу двум изданиям: на шестому — четвертому и его — пятому. Издание г. Ваулина имеет то несомненное преимущество перед нашим, что оно дешевле нашего, но наше имеет **преимущество типографского**, а не ротаторного издания, выходящего, к тому же, в том Издательстве, в котором ему по какому-то неписаному праву выйти и надлежит.

Выбор будет сделан, конечно, каждым покупателем, сообразно его возможностям, вкусам и отношению к издательской работе "Нашей Страны", поставившей себе непрременной целью выпуск в свет всех произведений Ивана Лукьяновича и идущей к этой цели, пусть и медленно и с большими трудностями, но в твердой уверенности, что единственным памятником безвременно от нас ушедшему Ивану Лукьяновичу может быть и должно быть **ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ЕГО СОЧИНЕНИЙ**.

О материальных трудностях, переживаемых газетой, я говорил уже много раз. Кое-кто услышал мои слова. Большинство — не услышало. Но я не теряю веры в тех настоящих друзей покойного Ивана Лукьяновича, которые, я знаю, помогут мне довести до конца издание его произведений, а, в частности, сейчас помогут выпустить в свет одно из его творений, увековечивающих его память.

Поэтому я обращаюсь ко всем нашим друзьям с просьбой подписаться сейчас на всю книгу. Она должна быть у каждого из тех, кто остался русским, кто не забыл о своей Родине. Многие, быть может, ее уже имеют — в таком случае я прошу их рекомендовать ее своим друзьям, привлечь их к подписке на нее. Помогите "Нашей Стране" в исполнении ее долга.

Вс. Дубровский

ИЗВЕЩЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

10/23 августа исполнилось сто лет со дня рождения Великого Князя Константина Константиновича.

Великий Князь был и сердцем велик: пылавшей в нем отеческой любовью он обнимал десятки тысяч кадет.

Кадеты! На молитву — шапки долой!.. Вечная память, вечная слава Незабвенному Великому Князю Константину Константиновичу — всю жизнь отдавшему служению идеалам воинской Доблести, Добра и Красоты.

В воздаяние долга памяти, сообразно с влечением всех кадет Объединения, по случаю столетия со дня рождения Великого Князя Константина Константиновича Правление О.К.О. постановило:

1. Нашему Объединению принять символическое участие в Торжественном Собрании посвященном памяти Великого Князя Константина Константиновича, устраиваемом Организационным Комитетом в Париже, под председательством А.А. фон Лампе.

2. С той же целью устроить Торжественное Собрание в г. Буэнос Айресе и обратиться к Русской нац. общности с призывом о всестороннем содействии Собранию.

3. Очередной номер "Кадетского Письма" — органа связи Правления О.К.О., в основном, посвятив память Великого Князя Константина Константиновича, и предложить кадетам безотлагательно присылать в Редакцию соответствующие материалы.

Правление О.К.О.
в Аргентине

Г. Месняев

Тихой сапой

Новейший эмигрант (1957 г.) Михаил Карташев, в своей статье "Рамки свободы" ("Свобода", июль 1958 г.), отмечая, что на Западе в разных политических и общественных кругах в последние годы родилось убеждение о якобы происшедших в СССР серьезных сдвигах во внутренней политике, о смягчении политического режима и о постепенной его эволюции в сторону приближения к режимам демократических стран, попытка проанализировать то, что произошло в современной России за время после смерти Сталина и дать ответ на волнующий всех русских людей в зарубежье: "действительно ли советское правительство вступило на путь изменения целей своей внешней политики и демократизации внутренней жизни страны?"

Михаил Карташев умело нарисовал картину жизни русских людей за последние годы, те послабления и подачки, с помощью которых правительство хитроумного Хрущева старается завоевать симпатии населения и тем самым укрепить колеблющийся и неустойчивый тыл, ту недолгую "оттепель", которая создала обманчивые представления о грядущей в России "весне" и то новое, что в результате всего этого родилось в сознании и в настроениях российского народа. Он пишет о том, что в тяжелой и страшной жизни подсоветского гражданина заметны некоторые послабления, что прекратились массовые ночные аресты, прекратились пытки на допросах, "примерно на 40% была сокращена громадная система концлагерей — общую цифру заключенных сейчас можно оценить в восемь миллионов человек, вместо тринадцати миллионов в 1953 году".

"Многие граждане, — пишет Михаил Карташев, — не задумываются над тем, что эти крохи — лишь малая часть того, что отнято диктатурой у народа, они видят лишь некоторые улучшения материального положения и поддерживают человека (Хрущева), который, по их мнению, дает им это".

Свои наблюдения над жизнью в СССР за годы "оттепели" и свою оценку этой "оттепели" М. Карташев заключает таким общим выводом: "сейчас режим стабилизировался (после некоторых колебаний и понсков новых путей, Г. М.) Его внешние цели не изменились ни на iota: та же подрывная деятельность, то же стремление к захвату мировой власти, с попыткой взорвать свободный мир "изнутри".

Другими словами, все осталось прежним, и серия мелких подачек народу, с помощью которой Хрущев старается укрепить свое положение и которые создают ложные иллюзии о мнимом перерождении советской власти, ничего буквально не изменила ни в природе советской власти, ни в основе политического и правового положения подсоветского гражданина. Таким образом, все разговоры о якобы уже происшедшем "термидоре" в СССР представляют собой, в лучшем случае, маниловские мечтания эмигрантских простаков, а в худшем — умышленное, обдуманное, ловкое и хитроумное наступление на российскую эмиграцию, которую советская власть, уже не в первый раз, пытается подорвать "тихой сапой".

К глубокому огорчению многих, в качестве орудия для такой "тихой сапы" избран старый, эмигрантский журнал "Часовой", долгие годы пользовавшийся симпатиями преимущественно военной эмиграции. На страницах этого журнала уже давно стали появляться статьи, подписанные тремя иксами которые, по объяснению редактора "Часового", получают им непосредственно из советизированной России, где,

Стиль будущей русской Монархини ген. В. Бискупский определил так: "Рабоче-крестьянская монархия".

Это правильно по существу — в России остались: рабочие, крестьяне и интеллигенция, вышедшая почти исключительно из рабоче-крестьянской среды.

Россия будет нуждаться в сильном правящем слое.

У Престола должны быть сильные люди, а не "придворный сброд". Так было в старой Москве.

Так должно быть и в новой Москве. Ив. Солоневич

якобы, и пребывает таинственный корреспондент "Часового", проповедующий неустанно и настойчиво идею о совершенном перерождении советской власти, и о том, что в СССР не только наступило время "термидора", но что оно уже давно прошло: "...это только вам, далеким от родины, можно спорить о теориях или "миражах" Термидора, как конца террора. Для нас тут, на Родине, — поймите это, — этот конец террора есть факт каждодневной жизни, факт осязаемый, чувствуемый не только каждую минуту, но и во всем. — патетически восклицает аноним "Часового".

Этого анонима, к счастью, быстро раскусили немногие вдумчивые и осторожные русские люди, хорошо разбирающиеся в хитросплетениях советской власти и знающие ее сущность досконально.

Не так давно вернувшийся из советских концлагерей. Б. К. Ганусовский, познавший природу советской власти в полной мере, на страницах газеты "Россия", сокрушительно разделался с тремя иксами и с редакцией "Часового", открыто проповедующими замаскированный "советский патриотизм".

"Я уехал из Советского Союза в конце 1955 года, — пишет Б. К. Ганусовский. — Мне знакомо все, о чем пишется в статье "XXX", и я утверждаю, что все это ложь! Наглая рассчитанная на легковере и доверчивость людей уже 40 лет не имевших личного контакта с коммунистической властью".

"Каждому из нас, — продолжает Б. К. Ганусовский, разобравший по косточкам все лживые утверждения "XXX" о переменах в СССР, — побывавшему "ТАМ", за пресловутым "Железным Занавесом", при самом беглом знакомстве со статьей в "Часовом", авторство ее не оставляет ни малейшего сомнения. Статья написана агентом КГБ и по его заданию".

Статьям таинственного, незнакомца из "Часового" посвятил обстоятельную статью в "Н. Р. С." (от 12 августа с.г.) и А. Сергеев. По поводу этой статьи с письмом в редакцию "Н. Р. С." обратилась К. В. Деникина, пишущая, что дезинформация, систематически осуществляемая "Часовым" — "... явление настолько печальное и тревожное, что на него должно быть обращено внимание всей здравомыслящей эмиграции". "... Хотя редактор — В. Орехов — и выражает иногда робкое несогласие со своим диковинным сотрудником, он уже не первый год печатает и печатает его лукавые вредные высказывания и явно неверные сведения. Зачем? Какая цель?" — спрашивает К. В. Деникина.

"Здравомыслящей эмиграции", безусловно, следовало бы задуматься над этими вопросами. Давно пора принять меры против подрывной работы в эмиграции, искусно ведущейся "тихой сапой". Но, беда в том, что не так легко найти тех здравомыслящих, о коих пишет К. В. Деникина. Где они? Их немногие голоса совершенно тонут в безответственной болтовне подавляющего большинства эмигрантов утонувшего в обывательском благополучии, ничего не видящего кругом и готового без всякого раздумья идти на удочку Советов, на которую последние, в виде приманки, цепляют моисеевских танцоров и прочие свои "культурные достижения", долженствующие показать всем и вся, как прекрасна, раздольна, свободна и богата жизнь в СССР.

То, что наивные, доверчивые и простодушные люди Запада, не знающие и не понимающие существа коммунизма, развесив уши слушают советские песенки и хлопают в ладоши в восторге от издевательских моисеевских "партизан" и других перлов рабовладельческого искусства, — еще понятно. Но то, что многоопытные эмигранты, забыв своих отцов и братьев, погибших в подвалах и ссылах и забыв собственные унижения, глумления и стыд, которые они перенесли в каком-то патологическом упоении аплодируют советскому наглому и циничному обману, ничего кроме жгучего стыда и горечи не вызывает.

В каком-то стадном стремлении целые толпы русских эмигрантов, т. е. именно те, кто обязаны были разъяснять иностранцам скрытый смысл преподносимого им мнимо-русского искусства, наводняли залы, где рядом с американо-красовался кровавый советский флаг и где звучали постыдные слова советского гимна. Российская эмиграция в Америке в дни моисеевских триумфов вела себя поистине постыдно! Чего, например, стоили сла-

Асунсьон (Парагвай)

КОЛОССАЛЬНЫЙ УСПЕХ РУССКОЙ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ 40 ЛЕТ ПРЕСТУПЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В субботу, 30 августа с.г., Союзом Русских Антикommунистов в Аргентине была открыта в Асунсьоне (Парагвай), на одной из главных улиц, в залах "Камера де Коммерсио" выставка "40 ЛЕТ ПРЕСТУПЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ".

Несмотря на невозможность организовать, в связи с забастовкой, предварительную рекламу и связаться с прессой, выставка пользуется громадным успехом. С 7 час. утра до 8 час. вечера тысячи посетителей — парагвайцев с огромным интересом знакомятся с обратной стороной советского режима, с его преступлениями, равно как и с жизнью подневольного населения в СССР и в его сателлитах.

Русские антикоммунисты, проживающие в Асунсьоне, приняли горячее участие в устройстве выставки и посильно помогли ее организаторам. Эти последние, прибывшие из Буэнос Айреса, были приняты Кардиналом, живо заинтересовавшимся выставкой.

В течение первых дней выставку посетили многие министры, а также университет, во главе с ректором.

Этот огромный успех и полученные организаторами выставки предложения привезти ее в другие страны Южной Америки указывают на ту серьезную роль, которую созданная в Буэнос Айресе антикоммунистическая выставка может сыграть в деле ознакомления народов свободного мира с истинной сущностью коммунизма.

Местные, выходящие в Асунсьоне, парагвайские газеты "Ла Трибуна" и "Эль Паис" посвятили выставке подробные обзоры, сопровождая их фотографиями.

Щаво-восторженные описания этих триумфов в "Новом Русском Слове", газете, хотя и считающей себя антикоммунистической, но очень рьяно способствовавшей Советам в одурачивании своими танцорами Америки? "Элегантная публика устроила советским танцорам овацию, которую вряд ли слышали когда-нибудь стены Метрополитен Оперы... Занавес давался семь раз" — и т.д. и т.д. в том же духе, писал сотрудник "Н.Р.С." Его восхищал и советский посол, улыбающийся Меньшиков, и его жена в белом атласном платье, представитель Советского Союза в ООН Соболев и те рукопожатия, которыми обменялись Меньшиков с совершенно беспринципным, ловким спекулянтом от искусства, Юроком, стараниями которого был привезен в Америку моисеевский "ансамбль". Этому юркому человеку, конечно, совершенно безразлично то, что он, заключив договор с Советами ввез в пригревшую его Америку бактерии советской чумы, спрятанные в чемоданах моисеевских танцоров. А между тем "неукротимая энергия" этого бесстыдного и беспринципного спекулянта, с помощью которой он отравил сознание рядового американского обывателя, — было высоко оценено и отмечено "Новым Русским Словом". Все это и жалко и стыдно!

В шуме этой постыдной свистопляски только слово подлинного мужества и разума, выкрикнутые не то полским, не то венгерским эмигрантом, прозвучали горьким укором нам, русским, так гордящимся своей давней непримиримостью к советскому строю. Этот эмигрант, кажется в Бостоне, во время моисеевского представления, вскочил на эстраду и прокричал примерно так: "Что вы делаете? Вот сейчас вы слушаете советские песенки, а скоро услышите советские пули!"

При такой удручающей умонастроенности широких кругов эмиграции, при ее политическом безразличии, бытовой самоуспокоенности, склонности ради старых родственных и дружеских отношений снисходительно проходить мимо явных просоветских выступлений (яркий пример: снисходительное отношение старых друзей "Часового" к его теперешней позиции) — эмиграция мало-помалу теряет свое основное главное оружие: свое принципиальное и безусловное отрицание коммунистических "идей" и всего, что с ними связано. Российская эмиграция, осужденная,

В ночь на 17/4 августа с.г., после продолжительной болезни, тихо отошел ко Господу почтенный наш игумен Св. Великомученика Пантелеймона монастыря на Афоне

Священно Архимандрит И У С Т И Н

проживший безвыездно в монастыре 62 года, из них 20 лет — игуменом.

Вместо покойного временно руководство поручено Иеросхимонаху Илиану. Выборы нового игумена будут произведены дополнительно.

† ВОЙСКОВОЙ СТАРШИНА ПЕТР АФАНАСЬЕВИЧ ФЕДОРОВ

10-го сего августа после долгой болезни скончался Донской Артиллерийской Войсковой Старшина П. А. Федоров, последний командир 10-й Донской Казачьей батареи Императорской Армии.

Окончив в 1907 году португальско-юнкером Михайловское Артиллерийское училище, Петр Афанасьевич вышел хорунжим в 6-ю Донскую Казачью батарею. С Десятой батареей он вышел на войну, которую окончил, командиром этой батареей уже после революции. Дальше Гражданская война в составе Донской Армии, эвакуация и бегственная страдная жизнь.

Исключительно скромный, службист, в лучшем значении слова, прекрасный товарищ и добрейший человек, Петр Афанасьевич пользовался всеобщей любовью и уважением и память о нем всегда будет храниться теми, кто его знал.

Пусть же будет пухом для него аргентинская земля. Царство ему небесное и вечный покой.

Донская им. Атамана Краснова Станица в Аргентине

в силу вещей, на политическое бездействие, даже в своем пассивном состоянии могла бы быть внушительной моральной силой, если бы она неизменно проявляла твердость, принципиальность и нежелание сходить со своих противоборствующих путей. Всякие шатания, всякое ослабление антисоветской непримиримости всякое братание с советчиками, в каких бы формах это братание не проявлялось (взять хотя бы поддержку "культурных" советских начинаний) неизбежно ведет к ослаблению эмиграции, а в конце концов и к ее вырождению.

Вот почему столь понятна та тревога, которую, в последнее время, стали проявлять отдельные русские эмигранты.

В этом отношении исключительно ценны и исключительно своевременны выступления С. Л. Войцеховского, который в серии своих "Писем из Нью Йорка", опубликованных в "Нашей Стране", прямо смело и очень остро поставил проблему отношения российской эмиграции к советской власти во всей ее полноте. Та отповедь, которая дана нам на крайне сомнительные политические высказывания публициста Андрея Дикого, который в одной из своих статей ("Русское Воскресение" № 113) занялся восхвалением того, что делают сейчас советчики в Аравии, является примером того, как должна реагировать российская эмиграция на всякую вольную и невольную вылазку в русскую эмигрантскую печать в пользу советской власти.

"Свободная русская печать, — пишет С. Л. Войцеховский, — не может быть доброй советских патриотов. Вечные интересы России... требуют не новой войны между русским народом и другими народами мира (С. Л. Войцеховский имеет в виду неукротимую вражду А. Дикого к Западу, Г. М.). Эти интересы требуют уничтожения коммунизма и разрушения преград между Россией и свободным человечеством".

Подобно автору "Писем из Нью Йорка", буквально каждый русский эмигрант обязан "не увлекаясь ни дружбой, ни родством, неже ожиданием выгоды", как когда-то гласил слова судебной присяги, смело, непримиримо и неустанно свидетельствовать свою верность Русской Правде и свою священную ненависть к ее презренным врагам!

Г. Месняев

Дневник наблюдателя

МИР... ПОД ГРОХОТ ОРУДИЙ

За 1957 год в результате трудов Объединенных Наций было написано 242.855.500 страниц текстов официальных бумаг. Мы не имеем данных о количестве километров, изъезженных членами ООН. Некоторые страны расходуют на содержание своих делегаций в ООН больше средств, чем им самим нужно на дело народного образования, здравоохранения и т.п. Все это оправдывается соображениями, что для дела мира не жаль расходов. Лучше исплатить труд их составителей и читателей, чем допускать убийства и разрушения.

Однако, ООН не предотвратила кровавых событий в Венгрии и не пресекла зародыша новой войны, уголек которой тлел все время под пеплом угасшего костра войны против Гитлера.

Сегодня ветер сдул этот пепел и огонь разгорается. Формоза.

Кризис в Иордании и в Ливане заставил Хрущева ехать в Пекин. Непосредственно вслед за этой поездкой китайские коммунисты начали военные действия с целью овладеть сначала прибрежными островами Кемой и Матцу и заявили, что выгонят Чан-Кайши с Формозы. Но САСШ продолжают быть верны договору с Национальным Китаем. Не признают Правительства Мао и Чу-Эн-Лая. 7-я эскадра САСШ охраняет Формозу от коммунистов, находясь в водах Тайванского (Формозского) пролива.

На о. Кемой находится 150.000 китайцев, верных Национальному Китаю. Коммунисты бомбардируют Кемой. Остров блокирован артиллерийским огнем. Снабжение о. Кемой зависит от доставки с Формозы (Тайваня). Один раз суда националистов прошли к о. Кемой под охраной американского конвоя, но во второй раз это выполнить не удалось. Объясняли исключительной силой шторм в проливе. На поверку оказывается, что шторм этот есть артиллерийский огонь коммунистов.

Америка предложила китайским коммунистам встречу и переговоры, чтобы устранить возникновение войны. Переговоры должны произойти в Варшаве.

Между тем Красный Китай продолжает твердить, что Формоза принадлежит ему, что он ее все равно возьмет. Хрущев подтвердил крепость дружбы между СССР и Красным Китаем и потребовал от Айзенхауэра эвакуации американских вооруженных сил из района о. Формозы.

Айзенхауэр обратился с речью к народу Америки. "На Тихом океане нового Мюнхена не будет", — вот основной смысл его речи. Америка не позволит Красному Китаю достичь своих целей путем насилий и военной агрессии. Открывается путь к мирному разрешению конфликта: отдать Кемой и Матцу за обещание Мао не брать Формозы силой. Но китайские коммунисты не ждут: будет Мюнхен или не будет? Они продолжают обстрел Кемой и остров отрезанный огнем от базы, вынужден будет сдаться. САСШ заявили, что ответят ударом, если красные китайцы посядут атаковать Кемой, и красные китайцы его не атакуют. Они "выживают" китайских националистов артиллерийским огнем. Америка находится в деликатном положении. Она может оборонять Национальный Китай только постольку, поскольку это не вызывает открытых военных действий. Сложилась обстановка: "Ни мира, ни войны", удивительная тем, что она разыгрывается под грохот артиллерийских орудий. Это деликатное положение долго длиться не может. Чашки весов стоят на острие бритвы.

За Кемой и Матцу американцы умирать не хотят. Англия упорно заявляет, что стоит в стороне от конфликта между Америкой и Красным Китаем. Но если конфликт разыгрывается в войну, то Англия не сможет оставаться в стороне. т.к. Гонгконг едва ли может быть изолирован от театра военных действий.

Предвоенное напряжение повисло в воздухе. Создается впечатление, что коммунизм провоцирует демократический мир чтобы иметь причину назвать его победителем войны. Секрет этот шит белизмой нитками.

Советский Союз идет на обострение отношений с Америкой. Воинственные речи Хрущева о верности Красному Китаю, протест Америке по поводу дея-

тельности радио-станций, посылающих в СССР антикоммунистическую пропаганду, повторение случая с американским самолетом, нарушившим "священные границы родины трудящихся всего мира".

Ожидая военного столкновения с демократическим миром и предвидя, что солдаты советской армии и население России будут переходить на сторону, борющуюся против коммунизма, советская печать напомнила населению о каре, ожидающей "за переход на сторону врага": расстреляно пять человек (имена нам неизвестны) сотрудничавших с немцами и скрывавших свое сотрудничество на протяжении 15 лет. Шестой приговорен к 25 годам каторги. Советская печать и радио распространили этот приговор более чем широко. Советчики боятся 1941-го года!

События опережают одно другое. Высечет ли роковую искру коса, нашедшая на камень в Формозском проливе, или же переговоры в Варшаве приведут к какому-то соглашению? Будет ли это новой версией "Мюнхена" и как она будет закамуфлирована?... Нить натянута до последней степени. По нашему скромному суждению коммунистический лагерь провоцирует войну, полагая, что пришло время для последнего решительного.

Европа с затаенным дыханием следит за развитием событий и держит порох сухим. В Зап. Германии происходят маневры Германской армии, в которых участвует 80.000 солдат при отличном оснащении техникой. Маневры ведутся на тех нервных линиях, по которым можно ждать наступления красных войск с востока.

На Ближнем Востоке затишье. Даг Хаммершильд ездит из одной столицы в другую и разговаривает то с тем, то с другим президентом. В Ливане все ждет 23 сентября, когда президент Шамун сдаст пост Шегабу, который не имеет свойственных Шамуну западных симпатий. Из Ливана выведен еще один американский батальон. Насколько далеко от Ливана — газеты не сообщают. Остается там еще 10.000 американских солдат. Их вывод сможет начаться не раньше октября. Что касается англичан, находящихся в Иордании — сведений нет. Они там сидят твердо.

Но обстановка на Ближнем Востоке далеко оставлена в тени тем, что происходит близ Формозы. Вопрос войны или мира сейчас уже решен в тех сферах, куда нам доступа нет. Остается наблюдать, и в ближайшее время мы узнаем — как же его решили.

Напрасны разговоры о том, что причиной войны являются два незначительных островка близ Китайского материка. Не "Польский же коридор" был причиной войны в 1939 году! В страшной игре, которая еще может быть остановлена ценою позорных уступок, разыгрывается ставка: весь мир. И если вылетит искра из-под косы, ударившейся о камень, понимание это станет всеобщим. Напрасно комментаторы грозят Америке одиночеством. Англия, уступаясь, не напрасно замечает, что она целиком поддерживает Америку, "поскольку вопрос стоит о том, что спор не должен решаться силой".

Министр Иностранных дел Национального Китая сказал: "На карте стоит не только безопасность прибрежных островов Национального Китая, ни его самого, ни даже Соединенных Штатов. Дело в том, что свободный мир снова стоит перед лицом намеренной агрессии, являющейся результатом идеологии китайских и русских коммунистов". Когда эта мысль станет общим достоянием, весь мир подымет на стороне Америки в великом антикоммунистическом союзе, и лучшим союзником в этой борьбе свободного мира будет русский народ.

Стоим ли мы на пороге еще одного "Мюнхена", или же мы наблюдаем спор о "Польском коридоре"? Ответ на это дадут ближайшие дни.

Наблюдатель

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ четвертая книга третьей серии библиотечки "Наша Страна"

Протоиерей Николай Смирнов ЗЛАТАЯ ЦЕПЬ СВЯТОСТИ НА РУСИ

Цена 3 ам. дол. в Аргентине — 75 п.

KRUSCHEV ORADOR ANTE LOS BULGAROS

Por el Ing. Raúl Escarcega

(Continuación)

Formidable discurso el de Krushchev ante el Congreso del Partido Comunista búlgaro. Equivalió a proclamar que el comunismo es como una gran familia cuyo padre está en Moscú. Es como un hogar a la rusa en tiempo de los Zares. Ningún hijo podrá nunca sustraerse a la autoridad paternal del "Padrecito Krushchev". No hay, por lo tanto, "asuntos internos" o nacionales en ninguna república que se diga socialista o comunista. La unidad de esa iglesia sin Dios ni ley, tiene que ser perfecta, monolítica. Si el Mariscal Tito habla de independencia, deja de percibir el apoyo económico que Rusia se comprometió a prestarle en un pacto suscrito por los representantes de la URSS y de Yugoslavia. Los convenios son pedazos de papel que cuando estorban, van a dar al cesto. Además, no faltaba motivo que invocar en apoyo de ruptura del trato con Tito. Dijo Krushchev: "No toleraremos desviaciones de ninguna índole en cuestiones de ideología".

Es el mismo Krushchev que poco antes había dicho que la fraternidad entre los estados comunistas sería siempre a base de igualdad y de respeto mutuo, dando a entender que los partidos comunistas de todos los países rojos, dentro y fuera del satelitismo, serían libres y soberanos, sin sujeción al PC de todas las Rusias.

(Continuará)

"Informaciones Exclusivas" (México, 19. 6. 1958)

ДОКТОР Вл. ГОЛОВИН
ГЛАЗНЫЕ БОЛЕЗНИ
Ежедневный прием
от 14 до 20 час.
Independencia 825,
Villa Ballester (est. Chilavert)

В Издательстве "Сеятель" вышел из печати документированный роман **БОРИСА СОЛОНЕВИЧА**
ЗАГОВОР
КРАСНОГО БОНАПАРТА

324 стр. большого формата с портретами маршала Тухачевского и летчика Н. Благина

Цена в Аргентине — 75 песо. в других странах — Ам. \$ 3.50 (в твердом переплете с золотым тиснением 100 песо / Ам. \$ 4.50)

Заказы — через редакцию "НАШЕЙ СТРАНЫ"

КОМИТЕТ
РОССИЙСКОЙ КОЛОНИИ
В АРГЕНТИНЕ
устраивает в субботу 11 окт. с. г. в зале "Сентро Монтаньез" (ул. Х. Ньюбери 2818)
КОНЦЕРТ - ВЕЧЕР
чистый доход с которого поступит в Фонд газеты "Русское Слово"
Начало в 21 час

РОЗЫСКИ

Объявления о розысках родных и знакомых принимаются непосредственно редакцией "Нашей Страны" и ее представителями на местах. Стоимость объявления, помещенного в трех последовательных номерах, 2 дол. в валюте соответствующей страны. Для Аргентины — из расчета 1 дол. равен 20 песо арг.

Анастасия Филипович (Залексич) разыскивает Анатолию Калаша из Мелевич. Пишите по адресу: Av. Meeks 860, Temperley, Bs. Aires, Argentina

Разыскиваю сына Николая Шашина, рожд. 1926 г., мобилизованного на трудовые работы в Германию в 1943 г. Лиц, знающих что-либо о его местопребывании прошу сообщить по адресу:

Sr. Nicolás Schaschin
Irala 850, Quilmes, Prov. Bs. Aires
Argentina

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Editor-Director

VSEVOLOD DUBROWSKY

Monroe 4219, Buenos Aires, Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ
AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8404
Correio Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogaley, Correo Central Clasificador F 456, Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24, Quinta Coromoto (Club Ruso), Caracas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M.P. O. C. Dirección General de Vialidad, Alberdi esq. Gral. Díaz. Asunción.

U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 196 — 6-th Ave, Apt. B. San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzoff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store, 327 & 14-th St. New York 3. N. Y.

Allies Book Shop, 3456, Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str. Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle St., Toronto 3, Ont.

Mr. André Alpatoff, 11961, rue Poincaré. (Bordeaux), Montreal (P. Q.)

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliothèque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

France: Mr. A. Krivocheff, "Kama" 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Germany: Frau J. Seuberlich, Wolfsburg Postfach 142

Greece: Mr. Filatoff, Rue Dedalou 16, Athenes.

Holland: Mej. A. Loeper, Amsterdam-sche Weg 96, Arnhem.

AUSTRALIA

Mrs. E. Parker, 28 Queen Bess Str. Brisbane, Brisbane, Q.d.

Polyglot Book Depot, 256 Collins Str., Melbourne C 1.

Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond Str., South Wentworthville, N.S.W.

Контора газеты "Наша Страна" очень просит г.г. подписчиков, имеющих возможность внести подписную плату за полгода или за год вперед, сделать это незамедлительно.

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем под редакцией Вс. Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 4.50 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бразилия — 12 круз.; Венесуэла — 1 бол.; Уругвай — 60 ур. сент.; Парагвай — 10 гуар.; Чили — 100 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 75 фр. фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. франк; Германия — 75 пф.; Иран — 15 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 75 фр.; Италия — 200 лир; Голландия — 0.65 гульдена; Швеция — 1 шв. кр.

ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

САСШ и Канада — 35 цент.; Бразилия 15 круз.; Венесуэла — 1.25 бол.; Парагвай — 12 гуар.; Чили — 150 чил. песо; Франция — 115 фр. фр.; Германия — 1 нем. марка; Голландия — 1 гульден.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова.

Подписка принимается Редакцией "Нашей Страны" и ее представителями на определенное количество порядковых номеров.

Подписную плату настойчиво просим вносить не менее чем за десять номеров вперед.